

ТВОРЧЕСТВО А. БЕЛОГО И ВЯЧ. ИВАНОВА В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Курс “Религиозная антропология” открывает широкие возможности для реализации межпредметных связей с историей литературы, литературоведением. Религиозная антропология, исследующая такой сложный феномен, как “человек религиозный”, обращается к художественным текстам, в которых поднимаются проблемы взаимоотношений человека с миром сакрального, воплощены религиозные поиски автора. Плодотворным для религиозной антропологии может стать и анализ творчества А. Белого и Вяч. Иванова, относящихся к философскому крылу русского символизма.

И А. Белый, и Вяч. Иванов были предрасположены к религиозному типу мышления. Свойственный им мироощущению панэстетизм стал этапом на пути к новому религиозному сознанию. “Для людей нашего религиозного сознания почти необходимо искутиться эстетизмом, чтобы преодолеть его в самых недрах и пробиться к религиозному пониманию жизни”, – писал А. Белый [1, с. 6]. Символисты рассматривают религиозность как существенную черту человека. В человеческой природе, как полагал Вяч. Иванов, заложено нечто, что выходит за рамки здравого смысла, за рамки повседневности – Эрос невозможного: “Эта любовь к невозможному – принцип всей религиозной жажды, всей творческой фантазии, всех порывов и дерзновенных” [5, с. 58]. Специфика религиозности А. Белого и Вяч. Иванова – в ее внеконфессиональности. Так, в сочинениях Вяч. Иванова переплетаются христианские и античные мотивы (например, эллинский страдающий бог Дио-

нис уподобляется Христу, выступает как его предтеча), а в творчестве А. Белого сочетаются софиологические и антропософские идеи.

Тип религиозности Вяч. Иванова можно охарактеризовать как “мистический анархизм”, связанный с идеей неприятия мира: “Если мир не таков, каким он должен быть, как постулат духа, – тем хуже для мира” [5, с. 20]. Ивановское неприятие мира – форма богоборства: “Без противления Боже-ству нет мистической жизни в человеке, – нет внутренней драмы, нет действия и события, которые отличают религиозное творчество и религиозность динамическую (имя ей – мистика) от неподвижной преданности замкнутому в себе вероучению с его скрижалями нравственных заповедей и обрядовых установлений” [5, с. 51]. Корни богоборства скрыты в экстатических состояниях, откуда происходят все религии. В этом контексте не случаен интерес Вяч. Иванова к дионисийству как экстатическому состоянию.

Интересным представляется анализ схожих идей православного священника П.А. Флоренского и приверженца антропософии А. Белого. В их работах выстраивается своеобразная символическая вселенная, которая предстает как образ двух зеркал, обращенных друг к другу, при этом пространственно-временные характеристики двух отраженных миров подвергаются действию закона инверсии. Предметом анализа в данном случае может стать роман А. Белого “Петербург”. Несмотря на насыщенность текста антропософскими интуициями, мы обнаруживаем в нем параллели с идеями П.А. Флоренского. Это становится очевидным при анализе описания пространства и времени.

Роман А. Белого построен на основе антиномии плоскости-глубины. Его главный герой, сенатор Аполлон Аполлонович Аблеухов, живет в геометризованном мире, символизируемым прямолинейностью городских проспектов, мечтая сделать развертку сферической поверхности планеты на плоскость, притиснуть ее линиями проспектов, расчертить на квадраты и кубы и выдать по квадрату на обывателя. Но над этим плоскостным линейным бытием Аблеухова нависает угроза, когда он отправляется ко сну. Перед ним вдруг открывается “вселенная странностей” – он попадает во “второе пространство”, где все объекты эмпирического мира представляются сенатору выходящими из него самого и являющимися продолжением в неизмеримость.

У А. Белого, как и у П.А. Флоренского, сон является границей, за пределами которой человек покидает земное бытие. П.А. Флоренский считал, что сон помогает понять специфику творческого процесса: “Хорошо известно, что множество великих открытий, в т.ч. математических, было сделано во сне” [7, с. 57]. А. Белый писал: “... то что творит наши сны, называем мы ценностью, то что творится в снах, называем мы действительностями” [2, с. 487]. По П.А. Флоренскому, во сне человек встречается с миром идей, ноуменов, а герой А. Белого во сне переживает один из этапов своей косми-

ческой жизни. Противопоставление “второго пространства” пространству линейному символизирует в романе оппозицию “верха” и “низа”. Их религиозная окрашенность (низ – Страшный Суд, верх – космическая жизнь, вечность) сближает космологию “Петербурга” с космологией “Божественной комедии” Данте: “Прежде, чем расстаться с сознанием обыденным, горизонтальным, плоскостным, героям «Петербурга» предстоит дойти до самого низа, пережить свой Страшный Суд. Эта парадоксальная ситуация, при которой нисхождение оборачивается взлетом, заставляет вспомнить логику перемещения Данте с Вергилием по нисходящей спирали ада, выводящей их, в конечном счете, к подножию чистилища” [6, с. 208]. Заметим, что именно космология Данте стала основой написания “Мнимостей в геометрии” П.А. Флоренского.

Интерпретация времени в “Петербурге” обнаруживает сходство с характеристикой “обратного” времени в “Иконостасе” П.А. Флоренского. В линейном, дневном, бытии время течет между “двух жизненных точек”, а ночью – в обратном направлении (террорист Дудкин переживает ночью дневные события в обратном порядке, “убегая за спину”). Инверсии подвергается как “малое” время, время жизни “маленького «я»” героев, так и историческое время: Страшный Суд помещен не в будущее, а в прошлое. Как отмечает Л. Долгополов, “там, в далекой истории (праистории) формировались истоки нынешней трагедии... Там и тогда вершится Страшный Суд – у истоков бытия; добраться до них дух человеческий может только покинув брентную оболочку тела” [4, с. 257].

При соприкосновении героев “Петербурга” с миром неземпирического бытия возникает образ зеркала: сын Аблеухова воспринимает мир как зыбкое отражение, ум подпоручика Лихутина, попавшего в ситуацию, выходящую за рамки обыденного сознания, разбивается о зеркало; вместо сына-террориста, которому приказали убить отца, Аблеухов видит в зеркале марионетку, вместо собственного отражения – смерть. П.А. Флоренский также обращался к свойствам зеркала при построении модели онтологически сопряженных друг с другом миров. Для нас важны не чисто внешние совпадения некоторых символов, встречающихся в трудах А. Белого и П.А. Флоренского, а общая направленность мысли. Каждый из них по-своему обосновывает и описывает духовную координату, духовное измерение человеческого бытия, обращаясь при этом к разным областям знания, к философской или художественной рефлексии.

Литература:

1. Белый, А. Основы моего мировоззрения / А. Белый // Лит. обозрение, 1995. – № 4-5 – С. 3-37.

2. *Белый, А.* Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
3. *Белый, А.* Петербург / Белый А. – СПб.: ООО “Издательство «Кристалл»”, 1999. – 976 с.
4. *Долгополов, Л.* Андрей Белый и его роман “Петербург” / Л. Долгополов. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 416 с.
5. *Иванов, В.И.* Родное и вселенское / В.И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
6. *Пискунов, В.* “Второе пространство” романа А. Белого “Петербург” / В. Пискунов // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации: [Сб.] / сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. – М.: Сов. писатель, 1988. – С. 193-214.
7. *Флоренский, П.А.* Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии: (Опыт нового истолкования) / П.А. Флоренский. – М.: Лазурь, 1991. – 96 с.